

P 34586

КАСАТКИН

массовая библиотека
"искусство"

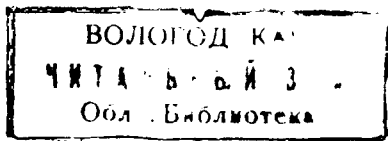
Соперницы

В. В. и Е. А. ЖУРАВЛЕВЫ

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
КАСАТКИН

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК

1859—1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВ

Москва 1945 Ленинград

25 +92 Касацкий
м-91

Обложка — гравюра на дереве
художника *М. В. Маторина*

Редактор *А. Леонов*

А19628. Подп. в печ. 18/VIII 1945 г. „Искусство“ 10669. Кол
п. л. 1^{5/16}. Уч.-изд. л. 1,14 Эп. в 1 п л. 44528. Тираж 15000. Зак. 689.

Цена 2 руб.

Тип. „Красный печатник“, Москва, ул. 25 Октября, д. 5

В 90-х годах прошлого века на художественных выставках появились картины, с которых смотрели суровые, покрытые угольной пылью шахтеры. Автор этих картин — художник Касаткин. Он первый в русском искусстве посвятил почти все свое творчество изображению рабочих, их быта, труда и борьбы.

Николай Алексеевич Касаткин родился в Москве 13 декабря 1859 года в маленьком одноэтажном домике, расположенном на пустыре, позади большого дома «барина Полеваева», выходившего своим фасадом на Грачевку.

Район Грачевки был густо заселен бедной. Здесь жили скрипачи, гармонисты, шарманщики и прочие люди, обслуживавшие трактиры, кабаки, пивные и публичные дома, в изобилии расположенные на Грачевке, тут жили и мелкие ремесленники: портные, сапожники, модистки, слесари. Район являлся излюбленным местом не только для бедноты и «бывших людей», но и для полиции: ей было здесь над чем «трудиться» — сворачивать скулы, вымогать взятки.

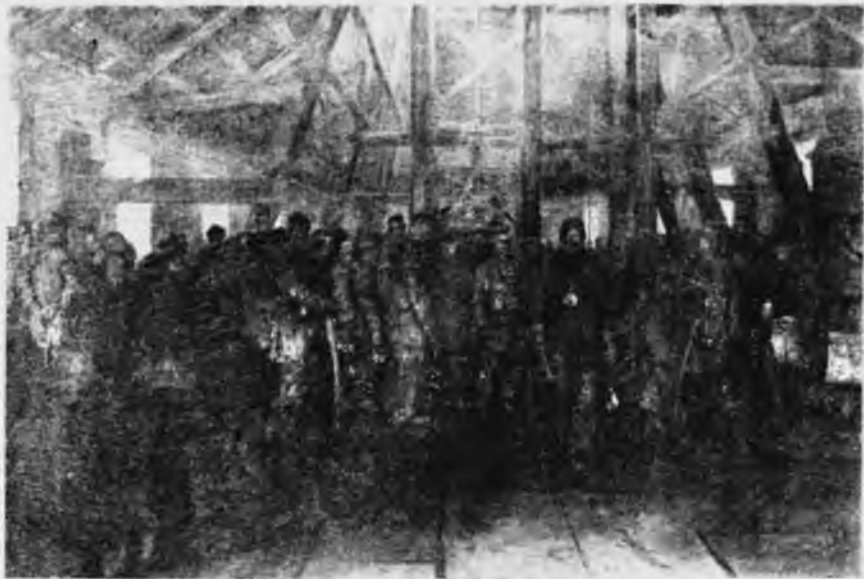
Касаткин был очень привязан к отцу. Вспо-

миная детство, он пишет о нем с трогательной любовью: «Отец был правер на камне, литограф по профессии, работал дома, и я привык видеть всегда пришитую к специальному рабочему столу его широкую милую спину. Любил его стол, олеиновую лампу, гравировальные иглы и весь набор инструментов с камнями баварского мрамора».

Отец Касаткина Алексей Александрович Касаткин считался лучшим гравером Москвы, имел звание учителя рисования и увлекался живописью. Николай Касаткин обычно занимался рисованием вместе с учениками отца. В его записках мы читаем: «Зимний вечер, я примостился с учениками отца в кухне, на столе горит сальная свеча. Так как я очень мал, а стол велик, под меня что-то подложено. Рисую с оригинала (правюра на меди) женскую голову с волнистыми волосами. Отец обходит учеников и говорит одному из них: «Что ты так плохо рисуешь, посмотри, как Коля рисует». Вот это его замечание навсегда запечатлелось в моей памяти».

Четырнадцать лет Касаткин поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Преподавателями в училище в то время были известные художники: В. Перов, А. Саврасов, И. Прянишников, Е. Сорокин.

Касаткин восторженно отзывался о Перове и считал его своим главным учителем. Знаменитый мастер призывал своих учеников к изучению жизни. Он говорил, что в классе осваивается лишь азбука художника, «для того

Смена шахтеров

чтобы уметь ясно и понятно излагать свои мысли и чувства». Истинному искусству, по его словам, нужно учиться не в классе, а «в жизни, в природе, не позирующей на казенном пьедестале, а текущей быстро, неудержимо, как горный ручей». Взгляды Перова на искусство, на высокое призвание художника оказали большое влияние на Касаткина.

Учился Касаткин хорошо и неоднократно получал награды. В 1878 и 1882 годах он получил малые серебряные медали.

Близкими школьными товарищами Касаткина были И. Левитан и В. Симов. В 1881 году к компании друзей присоединился еще один молодой художник — Сергей Коровин. Лето они обычно проводили вместе в Останкине, где у отца Касаткина была дача, и соревновались в писании этюдов. Там в 1880 году, встретив интересного по типу нищего, Касаткин задумал написать картину «Нищие на церковной паперти».

В 1883 году Касаткин получил за нее высшую награду — большую серебряную медаль и звание классного художника.

После окончания Московского училища живописи Касаткин собирался поступить для продолжения образования в Академию художеств, но болезнь отца изменила его планы. Надо было заботиться о содержании семьи. Уделяя большую часть времени на выполнение обложек к лубочным изданиям, Касаткин в течение нескольких лет не имел возможности серьезно заняться творчеством.

В 1889 году он закончил картину «Перекупка», изображающую жанровую сцену того времени: мелкий барышник торгуется с крестьянкой, привезшей для продажи воз сена. Картина была принята на выставку «Товарищества передвижных художественных выставок» и вскоре продана за 150 рублей.

Ободренный успехом, Касаткин принялся за новую картину — «Соперницы», для которой ему позировали девушки из деревни Марфино. Эта картина значительно интереснее и лучше первой. Она изображает двух девушек, идущих с ведрами воды по улице деревни, и играющего на гармонике парня — предмет их соперничества. В тщательно и любовно исполненном полотне особенно привлекателен колорит светлого зимнего дня с темносиним небом и ослепительно белым, сверкающим снегом. Закончив в течение одного года «Соперниц», а также два других холста: «За хворостом» и «У шлагбаума», Касаткин выставил их в 1891 году на выставке «Товарищества передвижников».

После этого состоялось постановление общего собрания «Товарищества» о приеме Касаткина в число своих членов. «Это событие,— пишет художник,— было для меня чрезвычайной важности в нравственном отношении: я не являлся одинокой былинкой и был принят в круг представителей цвета русского искусства, куда притекали тогда молодые силы со всех концов России. Картина моя «Соперницы» была куплена П. М. Третьяковым, с которым через

Шахтер-тягольщик

год установились дружеские отношения; он сделался моим первым покупателем. Я получил веру, что мой труд найдет себе оценку и место».

На протяжении всего существования «Товарищества» Касаткин оставался одним из активнейших его членов. «Создавая своими работами целую эпоху золотого века русского народного искусства, — говорил он, — передвижники создали чудесный агитационный аппарат для пропаганды художественных идей по всей России. Связь между передвижниками и кривеями русской литературы была теснейшая не только в идее, но и в дружбе. Щедрин, Достоевский, Гаршин, сам Стасов и другие писали о «передвижной». Ее ждали как общественного явления. С 1871 года, когда была открыта первая «передвижная», она непрерывно «передвигалась» из одной губернии в другую, из одного города в другой, от Ленинграда до Одессы — с севера на юг, и от Варшавы до Казани — с запада на восток. Таким образом, ряд городов Европейской России ежегодно мог следить за ходом, развитием и направлением русского искусства в работах лучших мастеров». «Мы не знаем, — говорил Касаткин, — примера в других странах, чтобы группа художников, без гроша денег, только своей личной энергией и сплоченностью выполняла непрерывно, блестяще такую широкую культурную задачу в течение полстолетия».

После приема в члены «Товарищества передвижников» Касаткин в первые три года дает на

выставки ряд картин, связанных, как и первые его произведения, с маленькими рассказами: в 1892 году — «Шутка», приобретенная П. Третьяковым, «Осиротели» и «Семья», в 1893 году — «Тяжело», «Последнее желание», «Перед разлукой», «В своем уголке», «Подружки», в 1894 году — «Клевета», «Трамвай пришел», «Девушки у изгороди», приобретенные Третьяковым.

Почти для всех этих бытовых сценок, взятых непосредственно из жизни, художнику служили в качестве натуры главным образом родные и знакомые. Так, в картине «Клевета» он воспроизвел свою домашнюю обстановку. Для левой сидящей фигуры ему позировала мать, для плачущей женщины — жена, а для правой сидящей фигуры — жена его приятеля художника С. Коровина.

Между 1889 и 1899 годами Касаткин вел переписку со Львом Николаевичем, Софьей Андреевной и Татьяной Львовной Толстыми и часто бывал в Ясной Поляне.

Длительное общение с великим писателем сказалось на мирозерцании Касаткина. Художник стал глубже понимать вред самодержавия, которое Толстой считал «отжившей формой правления, могущей соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, но не требованиям русского народа». У Толстого же научился он относиться критически к привилегированным классам и служившей им православной церкви.

Под влиянием Толстого Касаткин пришел к

Шахтерка

убеждению, что художнику необходимо подчинять свою творческую деятельность высокой идее.

Уже первые его картины из быта рабочих свидетельствуют о вдумчивом отношении художника к своей задаче. Так например, он дал следующее пояснение картине, носящей название «Тяжело»: «Переутомление рабочих вследствие сдельщины по низким расценкам, теснота фабричных помещений и отсутствие охраны труда были причиной частых увечий. Молодой рабочий, сильно пострадавший на заводе и выписанный из больницы задолго до полного выздоровления, пришел к любимой девушке-портняхе. Она вышла к калитке, где рабочий ее ждал, и прижалась к нему, полная сочувствия и любви. Рабочему дорого ее сочувствие, но взгляд его устремлен вдаль, а мысли направлены к товарищам, ведущим работу в революционном подполье».

Вот как художник поясняет содержание второй картины — «Перед разлукой»: «Трудное было время для рабочих в 1893 году. Московские металлургические заводы Бромлея и другие перевели рабочих с месячного жалования на сдельную оплату по низким расценкам. Еще хуже приходилось женщинам. Молодые люди сходились, рождались дети, но воспитывать их рабочий не имел возможности; детей приходилось нести в воспитательный дом — на «фабрику смерти», как его тогда называли. Картина изображает момент прощания матери с ребенком. Отец в отчаянии».

Знакомясь с разнообразными формами труда рабочих, Касаткин особенно заинтересовался шахтерами. Чтобы познакомиться с работой шахтеров, весной 1892 года он поехал в Донбасс.

Приехав в мае 1894 года в Грушевский район, Касаткин был поражен той «адской» обстановкой (выражение И. Е. Репина), в какой работали и жили шахтеры.

Художник наметил для картин ряд тем, работа над которыми затянулась на несколько лет. Одной поездки оказалось далеко не достаточно. Все более и более увлекаясь работой, Касаткин ежегодно в течение семи лет совершает поездки в Донбасс.

Работал он в исключительно трудных условиях. В письме 1895 года, адресованном И. С. Остроухову, Касаткин пишет: «Погода здесь, несмотря на юг, очень непостоянная. А люди, главное люди! Тут надо веревки, не нервы, а у меня гнилые нитки. Через полторы недели должен себя насильно вестить в шахту за натурой, которая и обманывает и издевается. Этюды скверные от той судорожной напряженности, с какой пишу с ошалевшего натурщика, замученного всеми неправдами».

«Переехал на новую квартиру за город, около рудника Шушпанова в степи, где воздух лучше,— пишет он родным в 1895 году,— живу у приказчика рудника, жена и девочка трех лет, люди хорошие, стол тоже недурной. Есть двор, в котором можно работать. Одно неприятно — жители... меня боятся и не идут на натуру даже

34586

Тягольщик
8010 ДА НАУ
ЧИТ. В ОЙ)
Она Бродотра

за деньги; теперь немного, хотя и с трудом, начинают привыкать. Материал для меня есть, но все достается с трудом, а главное, время много пропадает даром: то тот обманет, то другой. За шесть дней я ничего не сделал, а работать ужасно хочется. Погода тоже неблагоприятная: то дождь, то солнце, а ветер такой дует целый день, что все трясет, как крепко ни устроишься, поэтому мелкие этюды здесь работать неудобно, а у меня крупного холста нет. Дела хватит здесь до августа или половины его».

Вначале шахтеры очень недоверчиво относились к художнику, подозревая в нем царского сыщика. Однажды даже намеревались сбросить его в шахту. Но потом, поняв его цель, они изменили свое отношение к нему. Сам Касаткин дает такое объяснение неприязни к себе шахтеров: «Испытывая к себе только враждебное или унижительное отношение других классов, и в художнике углекопы видели человека, который тоже хочет посмеяться над их лохмотьями, над их черными лицами».

В результате трехгодичной работы в 1895 году Касаткин дает на XXIII выставку «Передвижников» первую серию картин из жизни шахтеров: «Сбор угля бедными на выработанной шахте», «Шахтерка», «Шахтеры-зарубщики» и «Шахтер».

«Шахтерка» — прекрасный образ типичной русской молодой работницы. Стоит она, подбоченясь, в свободной естественной позе в своем обычном рабочем костюме, задорно улыбаясь и

устремив свои веселые глаза на зрителя. Композиция картины оригинальна и проста, краски не яркие, но свежи, правдивы и богаты оттенками, техника письма уверенная, смелая и вместе с тем крепко увязанная с выразительным и строгим рисунком.

В русском искусстве это первое изображение женщины — индустриальной работницы.

«Шахтеры-зарубщики» — сильный и выразительный этюд, исполненный непосредственно с натуры в яркий солнечный день. Два пожилых шахтера сидят на земле около шахты с обушками в руках.

Во время первой поездки в Донбасс Касаткин на шахте Грушевской задумал написать большую картину «Углекопы — смена». «Наблюдая два раза в день (6 ч. утра и 6 ч. вечера) смену шахтеров, — говорит он, — я остановился на этой теме и начал усиленно собирать материал для задуманной картины. В начале собирания материала при непосредственном наблюдении общей процедуры смены я выработал эскиз (т. е. проект картины в небольшом размере). После этого пригласил к себе одного за другим выбранных шахтеров и сделал с них этюды. Значительное количество этюдов мной было выполнено на шахте, где зарисовывалась и обстановка, нужная для картины. Таким образом, для «Смены» было сделано 44 этюда».

Собрав материал, Касаткин у себя в студии в Москве приступил к исполнению картины и работал над ней, с перерывами, в течение полутора лет. По его мнению, работать над вещью,

Κτο?

не отрываясь от нее время от времени, не следует: надо делать перерывы, чтобы лучше видеть недостатки.

Картина «Углекопы — смена» была закончена в 1895 году и в следующем году появилась на XXIV выставке «Передвижников».

На ней изображен момент в надшахтном здании в 6 часов утра. В окна проникает тусклый свет. Шахтеры, уже отработавшие 12 часов под землей, поднялись в большой подъемной клетки на поверхность земли и выходят из шахты с непогасшими еще лампочками и орудиями своей работы в руках, жадно вдыхая свежий утренний воздух. У клетки стоит «штокарной», заведующий спуском и подъемом клетки. Впереди идет высокий сильный забойщик с обушком в одной руке и с лампочкой в другой. Следом за ним — шахтер с искалеченной ногой и другие рабочие, выходящие из клетки. По бокам — густая толпа шахтеров, окружающих устье шахты и ждущих очереди для спуска на ее дно. Здесь забойщики с обушками и лампочками, в которых горит минеральное масло, дающее сильное пламя и много копоти; в сумках у них стальные зубки. Тут же находятся тягольщики (саночники) с железной цепью и с подковами на поясах. Железной цепью они «тягают» (волочат) санки с грузом антрацита, а подковы подвязывают при работе на подошвы своей мягкой обуви. Среди взрослых имеются и дети — «дверные мальчишки», которые отворяют и закрывают войлочные двери в подземных коридорах для регулирования притока воздуха в

шахту. Колорит картины мрачный, холодный, хорошо передающий тусклый, синеватый свет раннего утра. На этом темном и холодном общем тоне кое-где мерцает красноватое пламя шахтерских лампочек да сверкают зубы и глаза шахтеров.

Вся толпа производит в высшей степени внушительное впечатление. В ней чувствуется грозная внутренняя сила и сплоченность. Лица серьезные и суровы. Особенно сильное впечатление производит фигура забойщика, идущего впереди других. Эта картина была куплена П. М. Третьяковым так же, как и ряд других работ Касаткина из шахтерской серии.

Покупка эта заинтересовала другого московского коллекционера—И. Е. Цветкова. Он приехал к Касаткину и просил показать картину: «Говорят, Третьяков у вас каких-то трубочистов купил». Цветков отнесся отрицательно к сюжету картины. Поучая Касаткина, он говорил о том, что художник должен давать радостные краски, писать солнце, а не черный уголь и «чумазные лица». Классовая сущность такого взгляда понятна, особенно ясно она вскрылась в словах члена московской городской думы Максимова, который, упрекая С. Т. Морозова за приобретение им картины Касаткина «Тяжело», говорил: «Что вы делаете, подсекаете сук, на котором сидите».

В 1897 году на XXV юбилейной выставке «Передвижников» появилась вторая значительная картина Касаткина — «Шахтер-тягольщик». В подземной шахте на большой глубине молодой

Тяжело

рабочий-тягольщик тащит по штреку санки с грузом антрацита. Санки привязаны короткой цепью к поясу рабочего, на подошвах его блестят подковы с острыми шипами. Воздух насыщен пылью угля и копотью лампочек, свет часто меркнет от отсутствия кислорода. Пламя лампочки, освещающее фигуру рабочего сбоку, окрашивает всю картину густым красновато-оранжевым цветом. Поза шахтера и вся его предельно напряженная в движении фигура свидетельствуют о том, какой каторжный труд приходилось проделывать тягольщику в течение 12 часов, таская за собой прикованные цепью санки. «Там, где не может работать животное, его заменяет человек», — пишет Касаткин о работе тягольщика.

Наряду с перечисленными картинами Касаткин исполнил большое количество превосходных портретов типичных донбасских шахтеров 90-х годов. В рецензии о XXIV выставке «Передвижников», где они экспонировались одновременно с картиной «Углекопы — смена», известный русский критик В. В. Стасов дал им весьма высокую оценку. «Тут в этих этюдах столько правды, столько глубоких замечок с натуры, столько энергии и правдивости кисти... — пишет он, — они безумно много говорят уму и чувству...»

Группа шахтеров однажды обратилась к Касаткину с просьбой нарисовать их портреты. Он рекомендовал обратиться к фотографу, где их могут снять скоро и со сходством, но один из рабочих возразил: «Нет, Николай Алексе-

евич, это не то, не как есть, а у тебя — я настоящий».

Во время поездок на шахты художник не пропускал случаев знакомиться с донбасскими заводами. В письме из Юзовки в 1896 году он пишет родным: «Завод огромный, производит подавляющее впечатление. Материал есть, но трудный — надо много хлопотать. Условия, при которых приходится писать, таковы: стоишь на нагретых плитах; пол трясется; около бегают паровоз с раскаленными болванками; страшный лязг железа; свистки паровоза и рабочих, так что голоса человеческого не слышать. Ко всему этому надо привыкнуть, а я приехал истощенный и нервный, руки трясутся, когда начинаю работать. Шахта по сравнению с Юзовкой — детская игрушка. Нервы надеюсь привести в порядок регулярностью жизни и независимостью. Я тут как на острове и сильно буду работать над собой».

В мае Касаткин уезжает для поправления здоровья в Крым, откуда пишет: «Из Юзовки уехал потому, что сил не стало: жара, копоть, пыль руды, угля, извести, угар от чугуна, страшный гром, рев машин и искры: всюду то плавеный, то раскаленный металл. Люди тут страдают от жары; им приходится месить железо и делать много тяжелых работ; голоса человека не слышать за шумом машин, переговариваются свистками. Попробовал пригласить на натуру — не идут, опять надо долго добиваться.

Подошло время праздников, завод получил деньги и будет гулять пять дней; я живо со-

брал вещи, бросился в Крым. 13 мая приехал в Севастополь, увидел море утром, и не знал, что делать: пить ли кофе, плыть ли на ялике, смотреть ли растения, которые очень люблю. Чудо, как хорошо!»

В конце июня художник едет на Урал, посещает огромный пермский завод «Мотовилиха». 5 июля пишет: «Живу у Чусовского завода. Жить удобно. Работаю мало. На заводе жарко. Заводы не особенно интересны, но работать (в будущем) будет более удобно, чем на юге. Отсюда еду на Кушву к горе «Благодать».

Поездка Касаткина в Донецкую область в апреле 1899 года оказалась последней. Прожив некоторое время со старшим сыном около шахты «София» (ст. Харцизск), Касаткин вскоре уехал в Севастополь, откуда написал родным: «На шахте так тяжело, что я не мог остаться работать. В Юзовке нас было арестовали (там рабочее движение и забастовка, все позаперто и завод стоит)».

В 1898 году Касаткин получил звание академика живописи, в 1903 году был избран действительным членом Академии художеств.

Стараясь расширить свои знания, свое понимание искусства знакомством с лучшими произведениями великих мастеров, Касаткин систематически, начиная с 1893 года, примерно, через каждые три года, ездил за границу для изучения музеев и картинных галлерей в Италии, Франции, Англии, Германии и Венгрии.

Во время поездок за границу он интересовался также и постановкой художественного обра-

зования в различных странах. В Германии его поразили суровые методы воспитания. Здесь, по его словам, «порют не только детей, но и юношей лет 18—20 в профессиональных школах».

Огромный запас этюдов, исполненных во время поездок на Донбасс, Урал и в другие места, дал возможность Касаткину написать ряд интересных картин. Вот наиболее значительные из них, появившиеся на выставках «Передвижников» в конце девятисотых годов прошлого века и в начале нынешнего: в 1896 г. — «В коридоре окружного суда», в 1897 г. — «Милостыня», «Крестьянка подмосковная» и др., в 1898 г. — «Кто?», «Девочка со шведскими спичками», «Заброшенный», в 1899 г. — «Арестантки на свиданьи», «Вагранщик», «Забулдыга мастеровой», в 1901 г. — «Жена заводского рабочего» и др., в 1903 г. — «Первенец», «Повенчались», в 1904 г. — «Ткацкий зал», «Пряха», «Хозяйка», в 1905 г. — «Тревожное», в 1907 г. — «Женщина и дети», в 1909 г. — серия этюдов и картин, исполненных в Италии, в 1910 г. — «Спор», в 1916 г. — «Крепостная артистка в опале» и др.

На выставке «Передвижников» 1905 года, очевидно, вследствие цензурных условий, Касаткин выставил только две картины: «9 января» и «Тревожное» — два варианта на тему, связанную с «кровавым воскресеньем».

В картине «9 января» молодая женщина напряженно смотрит в окно, ожидая мужа, ушедшего вместе с другими рабочими к Зимнему дворцу. Несмотря на эскизность, картина

Девушка у изгороди

хорошо передает то состояние тревоги, беспокойства, в каком находится женщина, напуганная долгим отсутствием мужа.

«Последний путь шпиона» — один из эпизодов декабрьского вооруженного восстания в Москве. Три дружинника, один впереди и два по бокам, ведут пойманного царского шпиона. На заднем плане в дыму и пламени пожара видны освещенные заревом дома и темный силуэт баррикады. Во всем чувствуется жуткое, зловещее. После шумного дня со стрельбой орудий и треском ружейного огня наступило ночное затишье.

В этюде «Рабочий-боевик» Касаткин дал типичного дружинника-рабочего, какие были в дни восстания на Пресне в дружинах Шмидтовской и Прохоровской фабрик.

«Жертва революции» — мертвая девушка, лежащая на снегу в глухом углу около забора. Она убита во время погрома черносотенной бандой или расстреляна при подавлении декабрьского восстания.

Картина «После обыска» рисует комнату, в которой царская полиция только что произвела обыск.

В серию 1905 года входит еще несколько произведений художника или оставшихся незаконченными или в виде эскизов и этюдов: «Утро похорон Баумана», «Восстание Москвы», «Призыв к восстанию» и др.

Последующий период после революции 1905 года, охватывающий более пятнадцати лет, тяжело отразился на творчестве Касаткина. Его

выступления на выставках были крайне редки и большей частью малозначительны. За весь этот период он выставил только три картины: в 1907 году — «Женщина и дети», в 1910 году — «Спор» и в 1916 году — «Крепостная артистка в опале».

Ослабление творческой деятельности Касаткина в указанный период было вызвано целым рядом причин.

В 1898 году умер П. М. Третьяков, организовавший замечательную галерею национального русского искусства, для которой более 40 лет приобретал у художников-реалистов их лучшие произведения. Для передвижников типа Касаткина — идейных реалистов — он был главным, а в 90-х годах почти единственным меценатом. Касаткин говорил, что смерть Третьякова «перервала дорогу» его произведениям в галерею.

В 1906 году умер В. В. Стасов — крупнейший художественный критик, идеолог передвижников, всю жизнь борющийся за национальное идейное демократическое русское искусство и страстно защищавший его от нападков реакционной прессы.

Смерть П. М. Третьякова и В. В. Стасова была огромной утратой для русского искусства.

С 90-х годов стало заметно сказываться влияние формалистических течений в искусстве, особенно усилившихся с первых лет нашего века.

Касаткин, как и многие другие художники, остался верен реализму, но принужден был ос-

Хозяйка

тавить свою творческую работу и переключиться почти всецело на педагогическую деятельность.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция застала русское искусство в состоянии глубокого распада.

«С чем пришли художники в революцию,— писал Е. Ярославский,— с самыми «левыми» манифестами, которые предлагали сбросить Пушкина, выбросить картины из музеев...» «На выставках,— пишет он далее,— появлялись сногшибательные футуристические и кубистические произведения. Рабочие ходили, плевались и разводили руками от недоумения при виде квадратов, кубов и других геометрических фигур, которые должны были выражать «новое искусство» и каким-то образом отражать революцию. На самом деле они ничего не «выражали» и ничего не «отражали».

«В течение пяти лет,— писал Касаткин,— народное искусство находилось в плену футуристов, выдвигавших на плечах рабочих свои фигуры».

Творческая деятельность Николая Алексеевича вновь возродилась лишь в 1922 году, когда открылась первая выставка реалистов — 47-я выставка «Передвижников», на которую он дал больше тридцати картин по циклам: «Завоевание свободы», «Реакция 1906 года», «Донбасс», «Заводы и фабрики». В конце того же года открылась выставка «Жизнь и быт рабочих», организованная Ассоциацией

художников революционной России (АХРР), поставившей перед собой задачу «художественно-документально запечатлеть величайшие моменты истории в ее революционном порыве».

ВЦСПС приобрел двадцать три его произведения для Музея труда, организованного им в то время при Дворце труда (эта коллекция впоследствии поступила в Музей революции СССР).

За выдающуюся деятельность Касаткина президиум ВЦИК в январе 1923 года присвоил ему почетное звание народного художника. Выступая в день празднования по случаю этого награждения, художник говорил: «Я испытываю чувство человека, с которого сдвинули могильную плиту и он поднялся на свет живым».

Желая дополнить имевшуюся в Музее труда коллекцию картин из жизни горнорабочих произведениями, отображающими работу и быт английских горняков, Касаткин в 1924 году едет в Англию. Вернувшись в Москву, он приступил к исполнению намеченных картин и первую из них — «Выход из шахты английских горнорабочих» — закончил в 1927 году. Из старой глубокой шахты в Уэльсе в местечке Марди выходят шахтеры — впереди пожилой усталый рабочий, за ним другой, нагруженный чураками, как и большинство его товарищей. Слева группа шахтеров, ожидающих очереди.

Не имея возможности долго пробыть в Англии, он недостаточно проработал этюдный материал, что усложнило создание картин, которые в большинстве случаев и остались неоконченными. Таковы «Разрушенные улицы в по-

селке Марди», «Великая забастовка в Англии» и другие. Особенное внимание художника привлекли советские люди, рожденные революцией. Он с юношеской энергией в короткий срок заканчивает серию картин: «Лыжница», «Вузовка», «Селькор», «Пионерка», «Комсомолка». Среди них особенно удачна «Вожатый пионеров».

Новые темы требовали от художника большого напряжения, а силы его иссякали. В письмах он все чаще и чаще жалуется на старость: «Сейчас я работаю свою любимую картину «Составление в школе стенной газеты», посвященную первой годовщине смерти В. И. Ленина...» «Ты знаешь, — писал он Симову в 1929 году, — я отказался от большой уже договоренной картины для ВЦСПС: боялся, что умру, не кончив».

Весной 1929 года Касаткин организовал свою юбилейную выставку «Искусство — трудящимся», где было представлено более 400 картин, этюдов, эскизов и рисунков, исполненных им в течение пятидесяти лет.

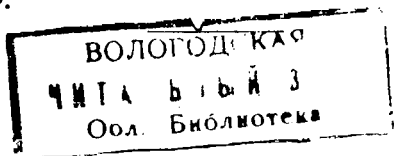
«Устройство персональной выставки, — пишет он, — случай, единственный в моей жизни... Художники, предоставляющие делать посмертные выставки другим, поступают неправильно! лишаются возможности суммировать самим свое творчество».

В Музее революции СССР 7 декабря 1930 года, давая пояснения относительно своей последней картины — «Карийская трагедия», Касаткин внезапно почувствовал себя дурно и умер от паралича сердца.

Касаткин принадлежит к числу художников, которые входят в наше русское искусство как незаменимые звенья, без которых оно не имело бы ни цельности, ни полноты. По картинам Касаткина будут изучать, как жили, как трудились и героически боролись рабочие в царское время.

В образах русских рабочих он сумел усмотреть несокрушимую силу и их грядущие победы.

Гениальный русский художник И. Е. Репин, высоко ценивший Касаткина, писал ему 12 января 1915 года: «По нашей давнишней товарищеской дружбе мысленно обнимаю Вас и горячо желаю всем сердцем опять волноваться Вашими незабвенными картинами, потрясавшими все мыслящее и чувствующее общество... Вы так поэтически человечно ставили, в дивной форме и неожиданной обстановке — трагическое жизни! Какой это великий вклад в культуру души человека! А какая драгоценность Ваше откровение живописных красот в самых адски-ужасных условиях быта людей... Вот великое назначение художника! Вот где его истинное бессмертие... Сколько бы ни жило человечество, чего бы ни переживало оно в будущем, Ваши вклады в сокровищницу образов времени вечно будут расти в своей ценности, и интерес к ним никогда не зарастет плевелами, народ своими тяжелыми ступнями пробьет к ним столбовую дорогу... Никогда не забудутся картины Касаткина, так они прекрасны и задушевы».

Цена 2 руб.

И

из

50